

Трофимова Н. А.

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ ЛАТИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/53.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 137-139. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Актер у Чехова - это человек, который не умеет быть, а пытается только казаться, лишен обычной человеческой естественности, он стремится все делать «для фарса». Артисту некогда обустроить свою личную жизнь, практически все они скитальцы, живущие в гостиничных номерах, а то и в самом театре. Актер Чехова играет не только на сцене, но и в настоящей жизни (пафосность и бессмысленность речей у комика из рассказа «Месть», у трагика в рассказе «Калхас» и персонажа рассказа «Юбилей»). Актер не активен, и он только говорит о чем-то высоком, о целях только за рюмкой («Критик»).

Видно, что Чехова волнует жизнь во всех ее проявлениях и сценки, и рассказы о театральной «богеме» не раз это подтверждают. Прозаик открывает внимательному читателю пораженное насквозь общество язвами: алкоголизм, нищета, эгоцентризм и даже супружеская неверность. Описания актеров часто кратки, шаржированы; портрет персонажа тоже эскизен, так как все дела определяются сущностью человека. Внимание художника направлено на создание ситуации, в которой проявляются истинные человеческие качества героя.

Внимание зрелого Чехова привлекает человек интеллигентного склада, нередко живущий интенсивной духовной жизнью. Но актер у Чехова лишен интеллектуальной и духовной исключительности. Актер в рассказах не стоит выше своей работы. Даже там, где в герое угадывается, чувствуется талант, сюжет заставляет думать отнюдь не о проявлении таланта. Поэтому можно предположить то, что писатель развенчивает актера, как образ интеллигента, кумира для зрителя.

Обвинение в адрес действительности строится у Чехова не на том, что силы богатой природы остаются без приложения, а на том, что для среднего человека закрыты простые радости, закрыта поэзия труда, любви, семьи. Актер из рассказа «Калхас» и «Актерская гибель» вдруг совершенно неожиданно начинает понимать, что жизнь его пуста и ничтожна. Только в этих рассказах появляется сознание того, к чему пришел герой.

Анализируя рассказы начала восьмидесятых годов, прослеживается скрытое отношение автора к театрам. С одной стороны примирение с пороками, а с другой стороны представлял их трагикомическими фигурами. Оправданием актера служит обыденщина. Чехов дает истолкование обыденности и показывает один вариант жизни в этом замкнутом круге, но у одного наступает прозрение, а другой продолжает жить одним днем, третий умеет лишь рассуждать, философствовать об окружающей действительности, критиковать всех и все, кроме себя.

«Обращаясь в статьях, театральных рецензиях, фельетонах и рассказах к фактам театральной жизни, Чехов, - по мнению Царева, - беспощадно отрицал ремесленную драматургию и приемы актерской игры, он понимал необходимость всего театрального дела. <...> Он показывает в своем творчестве жизнь такой, какая она есть, и людей такими - какими, какие они есть, а не ходульными героями, потому что « в жизни не каждую минуту стреляются, вешаются, объясняются в любви. И не каждую минуту говорят умные вещи»... [Царев: 172].

Собственно, все пьесы Чехова об интеллигенции. Но в «Чайке» интеллигенция предстает перед нами как бы под увеличительным стеклом: основное внимание уделяется так называемым творческим людям.

Интеллигенция в искусстве это какая-то беспощадная экспансия самоутверждения - самоутверждения любой ценой: не останоят ни дети, ни родители, ни любовь (в той степени, в какой она дарована), не останят утраты. Если Соня в «Дяде Ване» взывает к окружающим о милосердии, то в «Чайке» уже нет никаких подобного рода ориентиров. Но присутствует один из мерзких признаков интеллигенции - самоутверждение за чужой счет. За счет чужих судеб и сил - в угоду злобному и завистливому «Я».

Актеры - люди творчества. В России 19 века слово актер ассоциировалось у людей со словами "ум", "честь", "совесть".

У А. П. Чехова понятие актер противоречит вышеназванным ассоциациям. Актер у писателя наделяется амбициями, убогой, нищей повседневностью. Актерская богема - это пошло живущие люди, с ничтожными иллюзиями и претензиями. Следовательно, вопрос об актерам равен вопросу, о взаимоотношениях людей, философскому вопросу о человеческой сущности.

Список использованной литературы

1. **Балухатый С. Д.** Ранний Чехов // А. П. Чехов: Сб. статей и материалов. - Ростов-на-Дону, 1959.
2. **Голубков В. В.** Мастерство А. П. Чехова. - М.: Государственное учебно-педагогическое Издательство Мин. просвещения РСФСР, 1958.
3. **Любомудров М.** Противостояние: театр, век 20: традиции - авангард. - М.: Молодая гвардия, 1991.
4. **Полоцкая Э. А.** Пути чеховских героев: Кн. для учащихся. - М.: Просвещение, 1983.
5. **Царев М.** Неповторимые мгновения. - М.: Молодая гвардия, 1975.

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ ЛАТИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Трофимова Н. А.

Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова

Как известно, заимствованные слова составляют более половины всей английской лексики. В силу исторических причин английский язык оказался особенно проницаемым для латинских заимствований. Несмотря на обширный приток иноязычных слов, английский язык подчинил их закономерностям не только своего

звукового и грамматического строя, но и лексической системы. В этом и проявляется способность языка к самоорганизации и рациональному развитию.

Поступательное движение науки связано с развитием той или иной отраслевой терминологии. Современная экономическая терминология представляет собой одну из самых обширных и сложных в понятийном, семантическом отношении систем терминов (под *термином* мы понимаем слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности). Экономика как научная дисциплина занимается изучением секторов и отраслей народного хозяйства.

Перевод терминов-латинизмов экономической терминологии английского языка на русский язык, как и любой перевод, достигается на практике за счет вычленения единиц перевода. Далее переводчик производит межъязыковые преобразования, подбирая для единиц перевода соответствия в арсенале языковых средств переводящего языка. Принимая во внимание то, что в языкознании процесс освоения заимствованной лексики рассматривается в соответствии с различными принципами и классификациями, следует сказать, что в рамках нашего исследования представляется целесообразным опираться на классификацию, предложенную Э. Хаугеном [Haugen 1950: 212]. Она основана на структурной дифференциации заимствованной лексики:

1) слова без морфологической субституции, то есть полностью воспроизведенные иноязычные морфемы с нулевой, частичной или полной фонемной субституцией: лат. *individuum* → англ. *individuum*, рус. *индивидуум*; лат. *credit* → англ. *credit*, рус. *кредит*, лат. *import* → англ. *import*, рус. *импорт* и другие;

2) слова с частичной морфологической субституцией, то есть с использованием частичного воспроизведения иноязычной модели: Например, латинский суффикс *-(a)tio* был заимствован английским языком в форме суффикса *-(a)tion*, который, в свою очередь, имеет соответствие в русском языке суффикса *-(a)ция* и флексии *-я* (например, лат. *competitio* «совместное стремление» → англ. *competition* - рус. *конкуренция*; лат. *inflation* «вздутие» → англ. *inflation* - рус. *инфляция*). Латинский суффикс *-entia* заимствовался английским языком в форме суффикса *-ence*, что также соответствует форме русских суффиксов *-ен* и *-ция*, а также окончания *-я* (сравните, например, лат. *competentia* «соревнование» → англ. *competence* - рус. *компетенция*);

3) слова с полной морфологической субституцией, то есть кальки, представляющие собой заимствованные значения с нулевым морфемным и фонемным воспроизведением иноязычной модели (лексемы, в которых заимствованная структура облекается исконным материалом). Данный вид заимствованных экономических терминов в большей степени представлен в русском языке, что объясняется богатыми терминообразовательными возможностями как при освоении однословных терминов (лат. *incompatibilitas* → англ. *incompatibility* - рус. *несовместимость*), так и при адаптации терминологических словосочетаний (лат. *auditus annuus* → англ. *annual audit* - рус. *ежегодная ревизия*).

Калькирование, транскрибирование и транслитерация как способы заимствования, рассмотренные ранее, следует отличать от одноименных способов перевода. Не различаясь по своему механизму, они различаются по своим конечным результатам: при переводе не происходит увеличение словаря, тогда как при заимствовании в лексике появляются новые словарные единицы.

В процессе перевода часто оказывается невозможным использовать соответствие слов и выражений, которые нам дает словарь. В подобных случаях мы прибегаем к трансформационному переводу, который заключается в преобразовании внутренней формы слова или словосочетания или же ее полной замене для адекватной передачи содержания высказывания.

В. Н. Комиссаров классифицирует переводческие трансформации как лексические и грамматические. Мы следуем предложенной им классификации приемов перевода, однако, в рамках исследования экономической терминологии, представляется целесообразным анализировать перевод экономических терминов-латинизмов, опираясь преимущественно на лексические (квазибеспереводные методы и калькирование), а также лексико-грамматические трансформации (экспликация). Именно их применение кажется нам наиболее оправданным, поскольку перевод единиц текста (терминов), относительно не зависящих от контекста, и, соответственно, не требующих преобразования структуры предложения, не требует грамматических трансформаций. К числу анализируемых нами трансформаций, следовательно, будут относиться транскрибирование и транслитерация, калькирование, а также описательный перевод (экспликация) и переводческий комментарий.

Транслитерирование и транскрипция - это так называемые квазибеспереводные методы передачи латинизмов. Названы так потому, что при использовании этих приемов акт перевода заменяется актом заимствования звуковой (при транскрипции) или графической (при транслитерации) форм слова вместе со значением из исходного языка в переводящий. Для экономики данный способ перевода английских терминов-латинизмов на русский язык невозможно переоценить. Количество терминов, переводимых пофонемно или побуквенно, составляет немалую часть всего переводимого объема экономической лексики. Количество латинизмов современной экономической терминологии английского языка, передающихся на русский язык квазибеспереводными методами весьма велико. К их числу можно отнести, например, следующие термины: *form* - *форма*, *formation* - *формация*, *function* - *функция*, *concept* - *концепт*, *license* - *лицензия*, *administration* - *администрация*, и т.д.

Среди собственно переводных способов в отдельную ветвь выделяется калькирование, которое занимает промежуточное положение между полностью переводными и беспереводными способами передачи терминов-латинизмов. «Беспереводность» калькирования проявляется в сохранении неизменной внутренней формы слова (сравните, сохранение неизменной внешней формы при беспереводной передаче). Калькирование

предполагает существование двусторонних межязыковых соответствий между элементарными лексическими единицами, которые и используются в качестве «строительного материала» для воссоздания внутренней формы заимствованного или переводимого термина. Применительно к экономической терминологии мы можем считать калькирование неотъемлемым способом передачи специализированной лексики. По сравнению с квазибеспереводаемыми методами транскрипции и транслитерации, данный вид трансформаций наиболее востребован при переводе терминов-латинизмов. Как было выявлено, большая часть английской экономической терминологии носит междисциплинарную направленность и весьма неоднозначна. Помочь перевести при этом может, пожалуй, то языковое окружение, которое имеет вокруг себя тот или иной термин. Калькирование есть именно тот метод перевода иноязычной лексики, без которого не обойтись в работе со сложными терминами. Сравните, например, следующие терминосоответствия: *capital amount* - *основная сумма долга*, *capital assets* - *внеоборотные средства*, *capital decay* - *полный упадок* и т.д.

Описательные эквиваленты относятся к некалькирующим способам передачи латинизмов и принципиально отличаются от кальки тем, что при экспликации инвариантом перевода является именно значение иноязычной единицы безотносительно к характеру его связей с внешней структурой слова, в то время как при калькировании инвариантом перевода является форма единицы исходного языка (правда, не звуковая или графическая, как при транскрибировании или транслитерации, а лексическая или лексико-морфологическая). Иными словами, описательный перевод или экспликация состоит в передаче предметно-логического значения английского слова при помощи более или менее распространенного объяснения. Этот способ можно применять как для объяснения значения в словаре, так и при переводе терминов-латинизмов и их сочетаний в конкретном экономическом тексте (*predatory competition* - *конкуренция, направленная на устранение конкурентов*, *loan ratio* - *отношение основной суммы кредита к заемной стоимости собственности* и т.д.).

В ходе исследования перевода английских экономических терминов латинского происхождения было выявлено, что перевод большинства терминов-латинизмов на русский язык зависит от выбора того или иного квазибеспереводаемого метода и калькирования, а также навыков и умений самого переводчика (трансформаций).

Список использованной литературы

1. Haugen E. The Analysis of Linguistic Borrowing // Language. - 1950. - Vol. 26. - № 2. - Pp. 210-231.

МОДАЛЬНО-ИЛЛОКУТИВНАЯ СИЛА ВЫСКАЗЫВАНИЙ ФОРМ БУДУЩЕГО (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Трухина Е. М.

Казанский государственный энергетический университет

Субъективное отражение объективного мира определяется суммой ментальных и психологических характеристик, свойственных человеку. Высшей формой ощущения себя во времени и пространстве является речевая самореализация, «момент говорения» на базе существующих в языке грамматических форм [Klum 1960]. Говорящий пропускает поток времени либо непосредственно через свое настоящее, либо относительно предшествующего или следующего за настоящим момента речи [Pinchon 1986]. Таким образом грамматическая категоризация понятия времени находит свое выражение в трех составляющих: формах прошедшего, настоящего и будущего времени.

Говоря о «человеческом факторе» в языковой репрезентации картины мира вообще и в понятии времени в частности, необходимо, на наш взгляд, выделить формы будущего времени. Как отмечал Ултан, всегда значение «будущности» коррелирует (по формам выражения) в семантическом плане с понятиями аспектуальности, модальности, а также с понятием целенаправленности действия [Ultan 1972: 761]. Э. Косериу выделяет тесную взаимосвязь дейктической и модальной характеристик действия форм будущего и объясняет эту особенность их субъективным характером, когда говорящий стремится выразить свою позицию при помощи модальных форм. Как отмечает Д. Мэнгно [Maingueneau 1991: 79], «annoncer au future, ce n'est pas situer un événement dans l'avenir, c'est désirer, ordonner, craindre, etc» («Высказываться в будущем времени не значит располагать события в будущем, это означает желать, приказывать, бояться и т.д.»).

Ниже мы рассмотрим не традиционные значения категоричности и предположительности, относящиеся к логической модальности, а модально-иллокутивную силу высказываний в будущих временах во французском и русском языках, исходя из интерпретации французской формы будущего времени *Futur simple* Д. Мэнгно и учитывая универсальность пресуппозитивного компонента высказываний в будущем временном периоде.

*Сочетание «**je + Futur simple**» / «**я + Будущее совершенное, Будущее несовершенное**» часто интерпретируется как акт обещания: «Я все выясню и позвоню вам». Иными словами, говорящий не только информирует о своем намерении, но и вменяет себе в обязанность осуществить обещанное. Как отмечает Мэнгно, «если говорящий делится с кем-либо своим намерением совершить определенный акт, то это делается с намерением заставить себя совершить его будучи уверенным, что его собеседник заинтересован в совершении этого акта» [там же: 80]. В качестве примера Мэнгно приводит ситуацию с политическим деяте-